

Глава шестая

Воздушные мытарства

В этом падшем мире местом обитания бесов, местом, где души новопреставленных встречаются с ними, является воздух. Владыка Игнатий далее описывает это царство, которое надо ясно понимать, чтобы можно было вполне уяснить современные "посмертные" опыты.

"Слово Божие и содействующий слову Дух открывают нам при посредстве избранных сосудов своих, что пространство между небом и землею, вся видимая нами лазуревая бездна воздушных, поднебесная, служит жилищем для падших ангелов, низвергнутых с неба..."

"Святой апостол Павел называет падших ангелов духами злобы поднебесными (Еф. VI, 12), а главу их – князем, господствующим в воздухе (Еф. II, 2). Падшие ангелы рассеяны во множестве по всей прозрачной бездне, которую мы видим над собой. Они не перестают возмущать все общества человеческие и каждого человека порознь; нет злодеяния, нет преступления, которого бы они не были зачинщиками и участниками; они склоняют и научают человека греху всевозможными средствами. Супостат ваш диавол, – говорит святой апостол Петр, – яко лев рыкая ходит, иский кого поглотити (1 Петр V, 8) и во время земной жизни нашей, и по разлучении души с телом. Когда душа христианина, оставив свою земную храмину, начнет стремиться через воздушное пространство в горнее отечество, демоны останавливают ее, стараются найти в ней сродство с собою, свою греховность, свое падение и низвести ее во ад, уготованный диаволу и ангелам его (Мф. XXV, 41). Так действуют они по праву, приобретенному ими" (Епископ Игнатий. Собр. соч., т. 3, стр. 132—133).

После падения Адама, продолжает епископ Игнатий, когда рай был закрыт для человека и Херувим с огненным мечом был поставлен охранять его (Быт. III, 24), глава падших ангелов – сатана – вместе с ордами подчиненных ему духов "стал на пути от земли к раю, и с того времени до спасительного страдания и животворной смерти Христовой не пропустил по пути тому ни одной души человеческой, разлучившейся с телом. Врата небесные заключились для человека навсегда. И праведники, и грешники нисходили во ад.

Врата вечные и пути непроходимые открылись только пред Господом нашим Иисусом Христом" (стр. 134—135). После нашего искупления Иисусом Христом "все, явно отвергшие Искупителя, отседа составляют достояние сатаны; души их по разлучении с телами нисходят прямо во ад. Но и христиане, уклоняющиеся ко греху, недостойны немедленного переселения из земной жизни в блаженную вечность. Самая справедливость требует, чтобы эти уклонения ко греху христианской души, эти измены Искупителю были взвешены и оценены. Необходимы суд и разбор, чтоб определить, что преобладает в ней – вечная жизнь или вечная смерть. И ожидает каждую христианскую душу по исшествии ее из тела нелицеприятный суд Божий, как сказал святой апостол Павел: лежит человеком единою умрети, потом же суд (Евр. IX, 27).

Для истязания душ, проходящих воздушное пространство, установлены темными властями отдельные судилища и стражи в замечательном порядке. По слоям поднебесной, от земли до самого неба, стоят сторожевые полки падших духов. Каждое отделение заведывает особенным видом греха и истязывает в нем душу, когда душа достигнет этого отделения. Воздушные бесовские стражи и судилища называются в отеческих писаниях мытарствами, а духи, служащие в них, – мытарями".

Как понимать мытарства

Возможно, ни один аспект православной эсхатологии не был столь неправильно понимаем, как воздушные мытарства. Многие выпускники современных модернистских православных семинарий склонны вообще целиком отвергать это явление как некое "позднее добавление" к православному учению или как "вымышленное" царство, не имеющее под собой основания в Священном Писании, или святоотеческих текстах, или духовной реальности. Эти студенты являются жертвами рационалистического образования, которому не хватает тонкого понимания как различных уровней той реальности, которая часто описывается в православных текстах, так и различных смысловых уровней, часто встречающихся в

библейских и святоотеческих текстах. Современный рационалистический чрезмерный упор на "буквальное" значение текстов и "реалистическое", или приземленное, понимание событий, описываемых в Священном Писании и житиях святых, замутняют или даже вообще полностью затемняют духовный смысл и духовный опыт, которые служат зачастую основными православными источниками. Поэтому владыка Игнатий, который, с одной стороны, был утонченным современным интеллектуалом, а с другой – истинным и простым сыном Церкви, может служить хорошим посредником, с помощью которого православные интеллектуалы могли бы найти пути возврата к истинному православному преданию.

Прежде чем излагать дальше учение владыки Игнатия о воздушных мытарствах, упомянем о предостережениях двух православных мыслителей – одного современного и одного древнего – тем, кто приступает к исследованию потусторонней реальности.

В XIX веке митрополит Макарий Московский, говоря о состоянии души после смерти, писал: "Должно, однако, заметить, что, как вообще в изображении предметов мира духовного для нас, облеченных плотью, неизбежны черты, более или менее чувственные, человекообразные, – так, в частности, неизбежно допущены они в подробном учении о мытарствах, которые проходит человеческая душа по разлучении с телом. А потому надобно твердо помнить наставление, какое сделал Ангел преподобному Макарию Александрийскому, едва только начинал речь о мытарствах: "Земные вещи принимай здесь за самое слабое изображение небесных". Надобно представлять мытарства не в смысле грубом, чувственном, а сколько для нас возможно в смысле духовном, и не привязываться к частностям, которые у разных писателей и в разных сказаниях самой Церкви, при единстве основной мысли о мытарствах, представляются различными" (Митр. Макарий Московский. Православно-догматическое богословие. СПб., 1883, т. 2, стр. 538).

Некоторые примеры таких подробностей, которые не следует толковать грубо и чувственно, приводит св. Григорий Двоеслов в четвертой книге своих "Собеседований", которые, как мы уже видели, специально посвящены вопросу жизни после смерти.

Так, описывая посмертное видение некоего Реперата, который видел грешного священника стоящим на вершине огромного костра, св. Григорий пишет: "Приготовление же костров Реперат видел не потому, что в аде горели дрова; но для удобнейшего рассказа живущим видел в горении грешников то, что обыкновенно поддерживает у живущих вещественный огонь, дабы они, слыша об известном, научились бояться того, что им еще не известно" (IV, 31, стр. 314).

И еще, описав, как один человек был отослан обратно после смерти из-за "ошибки" – на самом деле из жизни отзывался некто другой, носящий то же имя (такое имело место и в современных "посмертных" опытах), св. Григорий добавляет: "Когда такое случается, тщательное рассмотрение покажет, что это была не ошибка, а предупреждение. В Своем безграничном милосердии благий Бог позволяет некоторым душам вернуться в свои тела вскоре после смерти, чтобы видением ада, наконец, научить их страху вечного наказания, в которое одни слова не могли их заставить поверить" (IV, 37).

А когда одному человеку в посмертном видении были показаны золотые райские жилища, св. Григорий замечает: "Конечно, никто, обладающий здравым смыслом, не поймет буквально эти слова... Поскольку вечной славой вознаграждается щедрая милостыня, то представляется вполне возможным построить вечное жилище из золота" (IV, 37).

Позже мы остановимся подробнее на различии между видениями иного мира и настоящими случаями выхода туда "из тела" (опыт мытарств и многие из современных "посмертных" опытов явно принадлежат к последней категории); но пока нам достаточно отдавать себе отчет в том, что ко всем столкновениям с потусторонним миром мы должны подходить осторожно и трезво. Никто, знакомый с православным учением, не скажет, что мытарства не являются "реальными", что на самом деле душа после смерти их не проходит. Но мы должны иметь в виду, что это имеет место не в нашем грубом материальном мире, что хотя там и имеются время и пространство, они в корне отличаются от наших земных представлений, и что на нашем земном языке рассказы никогда не смогут передать потусторонней реальности.

Всякому, хорошо знакомому с православной литературой, обычно будет ясно, как отличить описываемую там духовную реальность от превходящих подробностей, которые иногда могут быть выражены на символическом или образном языке. Таким образом, конечно, в воздухе не существует видимых "домов" или "будок", где собирают "подати"; а где упоминаются "свитки" или письменные приборы, которыми записываются грехи, или "весы", на которых взвешиваются добродетели, или "золото", которым уплачиваются "долги", – во всех этих случаях мы можем правильно понимать эти образы как средства фигуральные или пояснительные, используемые для выражения духовной реальности, с которой душа сталкивается в этот момент. Видит ли действительно душа тогда эти образы, благодаря постоянной привычке видеть духовную реальность в телесной форме, или же позднее может вспомнить пережитое только посредством таких образов, или просто не может выразить пережитое иначе – это второстепенный вопрос, который, по-видимому, для святых отцов и описателей житий святых, где повествуется о подобных случаях, не представляется существенным.

Важно другое – что существует истязание бесами, которые появляются в страшном, нечеловеческом виде, обвиняют новопреставленного в грехах и буквально пытаются схватить его тонкое тело, которое крепко держат Ангелы; все это происходит в воздухе над нами и может быть увидено теми, чьи глаза открыты для духовной реальности.

Теперь вернемся к изложению епископом Игнатием православного учения о воздушных мытарствах.

Святоотеческое свидетельство о воздушных мытарствах

"Учение о мытарствах есть учение Церкви. Несомненно, что святой апостол Павел говорит о них, когда возвещает, что христианам предлежит брань с поднебесными духами злобы (Еф. VI, 12). Это учение находим в древнейшем церковном предании и в церковных молитвословиях" (стр. 138).

Владыка Игнатий цитирует многих свв. отцов, которые учат о мытарствах. Здесь мы цитируем некоторых из них.

Св. Афанасий Великий в своем Житии св. Антония Великого описывает, как однажды св. Антоний "при наступлении девятого часа, начав молиться перед вкушением пищи, был внезапно восхищен Духом и вознесен Ангелами на высоту. Воздушные демоны противились его шествию; Ангелы, препираясь с ними, требовали изложения причин их противодействия, потому что Антоний не имел никаких грехов. Демоны старались выставить грехи, соделанные им от самого рождения; но Ангелы заградили уста клеветников, сказав им, что они не должны исчислять согрешений его от рождения, уже изглаженных благодатиею Христовою, но пусть представят, если имеют, грехи, содеянные им после того времени, как он поступлением в монашество посвятил себя Богу. При обвинении демоны произносили много наглых лжей; но как клеветы их лишены были доказательств, то для Антония открылся свободный путь. Тотчас он пришел в себя и увидел, что стоит на том самом месте, на которое стал для молитвы. Забыв о пище, он провел всю ночь в слезах и стенаниях, размышляя о множестве врагов человеческих, о борьбе с таким воинством, о трудностях пути к небу через воздух и о словах апостола, который сказал: несть наша брань к крови и плоти, но к началу и ко властям воздушным (Еф. VI, 12; Еф. II, 2), который, зная, что воздушные власти того только и доискиваются, о том заботятся со всем усилием, к тому напрягаются и стремятся, чтобы лишить нас свободного прохода к небу, увещевает: примите вся оружия Божия, да возможете противиться в день лют, да противный посрамится, ничтоже имея глаголати о нас укорно (Еф. VI, 13; Тит. II, 8; стр. 138).

Св. Иоанн Златоуст, описывая смертный час, учит: "Тогда нужны нам и многие молитвы, многие помощники, многие добрые дела, великое заступление от Ангелов при шествии через воздушное пространство. Если, путешествуя в чужую страну или чужой город, нуждаемся в путеводителе, то сколько нужнее нам путеводители и помощники для руководства нас мимо невидимых старейшинств и властей миродержателей этого воздуха, называемых и гонителями, и мытарями, и сборщиками податей!" (Слово о терпении и благодарении и о том,

чтобы мы не плакали неутешно о умерших, которое в Православной Церкви положено читать в субботу седьмую по Пасхе и при погребении усопшего).

Св. Макарий Великий пишет: "Слыша, что под небесами находятся реки змиев, уста львов, власти темные, огонь горящий и все члены в смятение приводящий, не знаеши ли, что если не восприимеши залога Святого Духа, при исхождении из тела они душу твою поймут и воспрепятствуют тебе внити на небеса" (Беседа 16, гл. 13).

Св. Исаия Отшельник, один из авторов "Добротолюбия" (IV век), учит, что христиане должны "ежедневно иметь пред очами смерть и заботиться о том, как совершить исход из тела и как пройти мимо властей тьмы, имеющих встретить нас на воздухе" (Слово 1, 4). Когда душа выйдет из тела ей сопутствуют Ангелы; навстречу ей выходят темные силы, желая удержать ее и истязуя, не найдут ли в ней чего своего" (Слово 17).

И вновь святой Исихий пресвитер Иерусалимский (V век) учит: "Найдет на нас час смерти, придет он, и избегнуть его будет невозможно. О, если б князь мира и воздуха, долженствующий тогда встретить нас, нашел наше беззаконие ничтожным и незначительным и не мог обличить нас правильно!" (Слово о трезвении, 161, "Добротолюбие", т. 2).

Св. Григорий Двоеслов (+604) пишет в своих Беседах на Евангелие: "Надобно основательно размышлять о том, сколько страшен будет для нас час смертный, какой тогда ужас души, какое воспоминание всех зол, какое забвение протекшего счастья, какой страх и какое опасение Судии. Тогда злые духи в отходящей душе отыскивают дела ее; тогда они представляют на вид те грехи, к которым расположили ее, чтоб свою сообщницу увлечь на мучения. Но для чего мы говорим только о грешной душе, когда они приходят даже к избранным умирающим и в них отыскивают свое, если в чем успели? Среди людей был только Один, Кто прежде страдания Своего безбоязненно говорил: Ктому не много глаголю с вами. Грядет бо сего мира князь и во Мне не имать ничесоже (Ин. XIV, 30) (Слова на Евангелия, 39, на Лк. XIX, 12—47: епископ Игнатий, т.3, стр. 278).

Св. Ефрем Сирин (+373) так описывает час смерти и суда в мытарствах: "Когда приходят страшные воинства, когда божественные изъятели повелевают душе переселиться из тела, когда, увлекая нас силою, отводят в неминуемое судилище, тогда, увидев их, бедный человек... весь приходит в колебание, как от землетрясения, весь трепещет... божественные изъятели, появ душу, восходят по воздуху, где стоят начальства и власти и миродержители противных сил. Это – злые наши обвинители, страшные мытники, описчики, данщики; они встречаются на пути, описывают и вычисляют грехи и рукописания сего человека, грехи юности и старости, вольные и невольные, совершенные делом, словом, помышлением. Великий там страх, великий трепет бедной душе, неопишима нужда, какую терпит тогда от неисчетного множества тьмами окружающих ее врагов, клеветующих на нее, чтобы не дать ей взойти на небо, поселиться в свете живых, вступить в страну жизни. Но святые Ангелы, взяв душу, отводят ее" (св. Ефрем Сирин. Собр. соч. М., 1882, т. 3, стр. 383—385).

Богослужения Православной Церкви тоже содержат многочисленные упоминания о мытарствах. Так, в "Октоихе", творении св. Иоанна Дамаскина (VIII век), мы читаем: "В час, Дево, конца моего руки бесовския мя исхити, и суда и прения, и страшнаго испытания, и мытарств горьких, и князя лютаго, Богомати, и вечнаго осуждения" (глас 4, пятница, тропарь 8-й песни канона на утрени).

Или: "Егда плотскаго союза хочет душа моя от жития разлучитися, тогда ми предстани, Владычице, и бесплотных врагов советы разори, и сих челюсти сокруши, ищущих пожрети мя нещадно: яко да невозбранно пройду на воздусе стоящыя князи тьмы, Богоневестная" (глас 2, Утренья субботы, стихиры на стиховне). Владыка Игнатий приводит семнадцать подобных примеров из богослужебных книг, но этот перечень, конечно, неполный.

Самое глубокое изложение учения о воздушных мытарствах среди ранних отцов Церкви можно найти в "Слове о исходе души" св. Кирилла Александрийского (+444), которое всегда включалось в издания славянской Следованной Псалтири, т. е. Псалтири, приспособленной для использования на богослужении. Среди всего прочего, св. Кирилл говорит в этом "Слове":

"Прочее яковый страх и трепет чаеши душе имети в день он, зрящи страшных и дивих и жестоких и немилостивых, и безстудных демонов, яко муринов мрачных предстоящих! Яко и самое видение – едино лютейшее есть всякие муки, ихже зрящи душа смущается, волнуется, болезнует, мятется и спрячется, к Божиим Ангелам прибегаючи. Держится убо душа от святых Ангел, воздухом проходящи, и возвышаема, обретает мытарства, хранящая восход, и держаща, и возбраняюща восходящим душам: коеждо бо мытарства своя их грехи приносит... каяждо страсть душевная, и всякий грех своя мытари имать и истязатели".

Многие другие св. отцы и до, и после св. Кирилла говорят о мытарствах или упоминают о них. Прочитав многих из них, упоминавшийся выше историк церковной догматики заключает: "Такое непрерывное, всегдашнее и повсеместное употребление в Церкви учения о мытарствах, особенно же между учителями четвертого века, непререкаемо свидетельствует, что оно передано им от учителей предшествовавших веков и основывается на предании апостольском" (митрополит Макарий Московский. Православно-догматическое богословие, т. 2, стр. 535).

Мытарства в Житиях святых

Православные жития святых содержат многочисленные и подчас очень живые рассказы о том, как душа после смерти проходит через мытарства. Самое подробное описание можно найти в Житии св. Василия Нового (26 марта), где приводится рассказ блаженной Феодоры ученику святого, Григорию, о том, как она проходила через мытарства. В этом рассказе упоминаются двадцать особых мытарств и сообщается, какие грехи проверяются на них. Епископ Игнатий довольно пространно излагает этот рассказ (т. 3, стр. 151—158). Он не содержит ничего существенного, чего нельзя было бы найти в других православных источниках о мытарствах, поэтому здесь мы его опустим, чтобы процитировать некоторые из этих других источников, которые, хотя и являются менее подробными, но следуют той же канве событий.

В повести о воине Таксоте ("Жития святых", 28 марта) рассказывается, например, что он вернулся к жизни, проведя шесть часов в могиле, и поведал следующее: "Когда я умирал, то увидел некоторых эфиопов, стоящих предо мною; вид их был очень страшен, и душа моя смутилась. Потом я увидел двух юношей, очень красивых; душа моя устремилась к ним тотчас, как бы взлетая от земли. Мы стали подниматься к небу, встречая на пути мытарства, удерживающие душу всякого человека. Каждое истязало ее об особом грехе: одно обо лжи, другое о зависти, третье о гордости; так каждый грех в воздухе имеет своих испытателей. И вот я увидел в ковчеге, держимом Ангелами, все мои добрые дела, которые Ангелы сравнили с моими злыми делами. Так мы миновали эти мытарства. Когда же мы, приближаясь к вратам небесным, пришли на мытарство блуда, страхи держали меня там и начали показывать все мои блудные плотские дела, совершенные мною с детства моего до смерти, и Ангелы, ведущие меня, сказали мне: "Все телесные грехи, которые содеял ты, находясь в городе, простил тебе Бог, так как ты покаялся в них". Но противные духи сказали мне: "Но когда ты ушел из города, ты на поле соблудил с женой земледельца твоего". Услышав это, Ангелы не нашли доброго дела, которое можно было бы противопоставить греху тому, и оставив меня, ушли. Тогда злые духи, взяв меня, начали бить и свели затем вниз; земля расступилась, и я, будучи веден узкими входами через темные и смрадные скважины, сошел до самой глубины темниц адových".

Владыка Игнатий цитирует также и другие случаи прохождения мытарств в житиях св. великомученика Евстратия (IV в., 13 декабря), св. Нифона из Констанции Кипрской, который видел многие души, восходящие через мытарства (IV в., 23 декабря), св. Симеона Христа ради юродивого Эмесского (IV в., 21 июля), св. Иоанна Милостивого, патриарха Александрийского (VII в., Пролог на 19 декабря), св. Макария Великого (19 января).

Епископ Игнатий не был знаком с многочисленными ранними православными западными источниками, которые никогда не переводились на греческий или русский и которые так изобилуют описаниями мытарств. Название "мытарства", как кажется, ограничивается восточными источниками, но описываемая в западных источниках реальность тождественна.

Например, св. Колумба, основатель островного монастыря Ионы в Шотландии (+ 597), много раз за свою жизнь видел в воздухе битвы демонов за души умерших. Св. Адамнан (+ 704) рассказывает об этом в написанном им житии святого. Вот один из случаев:

Однажды св. Колумба созвал своих монахов и сказал им: "Поможем молитвой монахам аббата Комгела, которые утопают в этот час в Телячьем озере, ибо вот в этот момент они сражаются в воздухе против сил зла, тщась захватить душу чужестранца, которая утопает вместе с ними". Затем после молитвы он сказал: "Благодарите Христа, ибо сейчас святые Ангелы встретили эти святые души, освободили того чужестранца и с торжеством спасли его от воинствующих демонов".

Св. Бонифаций, англо-саксонский апостол германцев (VIII век), передает в одном из своих писем рассказ, услышанный в Уэнлоке из уст одного монаха, который умер и через несколько часов вернулся к жизни. Когда он вышел из тела, "его подхватили Ангелы такой чистой красоты, что он не смог смотреть на них..." "Они понесли меня, – сказал он, – высоко в воздух"... Далее он рассказал, что за то время, что он был вне тела, такое количество душ покинуло свои тела и столпились в месте, где он находился, что ему казалось, что их больше, чем всего населения земли. Он также сказал, что там была толпа злых духов и славный хор вышних Ангелов. И он сказал, что злые духи и святые ангелы вели ожесточенный спор за души, вышедшие из своих тел: демоны обвиняли их и усугубляли бремя их грехов, а Ангелы облегчали это бремя и приводили смягчающие обстоятельства.

Он слышал, как все его грехи, начиная с юности, которые он или не исповедал, или забыл, или не осознал как грехи, вопиют против него, каждый своим голосом, и со скорбью обвиняют его... Все, что он сделал за все дни своей жизни и отказался исповедать, и многое, что он не считал за грех, – все они теперь выкрикивали против него страшными словами. И таким же образом злые духи, перечисляя пороки, обвиняя и принося свидетельства, называя даже время и место, приносили доказательства его злых дел... И вот, свалив в кучу и исчислив все его грехи, эти древние враги объявили его виновным и неоспоримо подверженным их власти.

"С другой стороны, – сказал он, – маленькие, жалкие добродетели, которые я имел недостойно и несовершенно, говорили в мою защиту... И эти Ангельские духи в их безграничной любви защищали и поддерживали меня, а немного преувеличенные добродетели казались мне прекрасными и куда большими, чем когда-либо я мог явить своими собственными силами".

Современные случаи прохождения мытарств

В книге "Невероятное для многих, но истинное происшествие" можно познакомиться с реакцией типичного "образованного" человека нашего времени на встречу с мытарствами во время его 36-часовой клинической смерти'. "Взяв меня под руки, Ангелы вынесли меня прямо через стену из палаты на улицу. Смеркалось уже, шел большой, тихий снег. Я видел его, но холода и вообще перемены между комнатной температурой и надворною не ощущал. Очевидно, подобные вещи утратили для моего измененного тела свое значение. Мы стали быстро подниматься вверх. И по мере того, как поднимались мы, взору моему открывалось все большее и большее пространство, и наконец оно приняло такие ужасающие размеры, что меня охватил страх от сознания моего ничтожества перед этой бесконечной пустыней... Идея времени погасла в моем уме, и я не знаю, сколько мы еще поднимались вверх, как вдруг послышался сначала какой-то неясный шум, а затем, выплыв откуда-то, к нам с криком и гоготом стала быстро приближаться толпа каких-то безобразных существ.

"Бесы!" – с необычайной быстротой сообразил я и оцепенел от какого-то особенного, неведомого мне дотоле ужаса. Бесы! О, сколько иронии, сколько самого искреннего смеха вызвало бы во мне всего несколько дней назад чье-нибудь сообщение не только о том, что он видел собственными глазами бесов, но что он допускает существование их как тварей известного рода! Как и подобало "образованному" человеку конца XIX века, я под названием этим разумел дурные склонности, страсти в человеке, почему и само это слово имело у меня

значение не имени, а термина, определявшего известное понятие. И вдруг это "известное определенное понятие" предстало мне живым олицетворением!..

Окружив нас со всех сторон, бесы с криком и гамом требовали, чтобы меня отдали им, они старались как-нибудь схватить меня и вырвать из рук Ангелов, но, очевидно, не смели этого сделать. Среди их невообразимого и столь же отвратительного для слуха, как сами они были для зрения, воя и гама я улавливал иногда слова и целые фразы.

— Он наш, он от Бога отрекся, – вдруг чуть не в один голос завопили они, и при этом уж с такой наглостью кинулись на нас, что от страха у меня на мгновение застыла всякая мысль.

— Это ложь! Это неправда! – опомнившись, хотел крикнуть я, но услужливая память связала мне язык. Каким-то непонятным образом мне вдруг вспомнилось такое маленькое, ничтожное событие, к тому же и относившееся еще к давно минувшей эпохе моей юности, о котором, кажется, я и вспоминать никогда не мог".

Здесь рассказчик вспоминает случай из времен учебы, когда однажды во время разговора на отвлеченные темы, какие бывают у студентов, один из его товарищей высказал свое мнение: "Но почему я должен верить, когда я одинаково могу верить и тому, что Бога нет. Ведь правда же? И может быть, Его и нет?" На что он ответил: "Может быть, и нет". Теперь, стоя на мытарстве перед бесами-обвинителями, он вспоминает:

"Фраза эта была в полном смысле слова "праздным глаголом"; во мне не могла вызвать сомнений в бытии Бога бестолковая речь приятеля, я даже не особенно следил за разговором, – и вот теперь оказалось, что этот праздный глагол не пропал бесследно в воздухе, мне надлежало оправдываться, защищаться от возводимого на меня обвинения, и таким образом удостоверилось евангельское сказание, что, если и не по воле ведающего тайны сердца человеческого Бога, то по злобе врага нашего спасения, нам действительно предстоит дать ответ и во всяком праздном слове.

Обвинение это, по-видимому, являлось самым сильным аргументом моей гибели для бесов, они как бы почерпнули в нем новую силу для смелости нападений на меня и уже с неистовым ревом завертелись вокруг нас, преграждая нам дальнейший путь.

Я вспомнил о молитве и стал молиться, призывая на помощь всех святых, которых знал и чьи имена пришли мне на ум. Но это не устрало моих врагов. Жалкий невежда, христианин лишь по имени, я чуть ли не впервые вспомнил о Той, Которая именуется Заступницей рода христианского.

Но вероятно, горяч был мой порыв к Ней, вероятно, так преисполнена ужаса была душа моя, что я, едва вспомнив, произнес Ее имя, как вокруг нас появился какой-то белый туман, который стал быстро заволакивать безобразное сонмище бесов. Он скрыл его от моих глаз, прежде чем оно успело отдалиться от нас. Рев и гогот их слышался еще долго, но по тому, как он постепенно ослабевал и становился глуше, я мог понять, что страшная погоня оставила нас" (стр. 41—47).

Мытарства, перенесенные еще до смерти

Таким образом, из многочисленных ясных примеров можно видеть, каким важным и незабываемым испытанием для души после смерти является встреча с бесами на воздушных мытарствах. Это, однако, не обязательно происходит лишь непосредственно после смерти. Выше мы видели, что преп. Антоний Великий видел мытарства во время молитвы, находясь вне тела. Преп. Иоанн Лествичник описывает случай, происшедший с одним монахом до его смерти: "За день же до кончины своей он пришел в исступление и с открытыми глазами озирался то на правую, то на левую сторону постели своей и, как бы истязуемый кем-нибудь, он вслух всех предстоявших говорил иногда так: "Да, действительно, это правда; но я постился за это столько-то лет"; а иногда: "Нет, я не делал этого, вы лжете"; потом опять говорил: "Так, истинно так, но я плакал и служил братиям"; иногда же возражал: "Вы клеветаете на меня". На иное же он отвечал: "Так, действительно так, и не знаю, что сказать на сие; но у Бога есть милость". Поистине страшное и трепетное зрелище было сие невидимое и немилостивое истязание; и что всего ужаснее, его обвиняли в том, чего он не делал. Увы!

Безмолвник и отшельник говорил о некоторых из своих согрешений: "Не знаю, что и сказать на это", хотя он около сорока лет провел в монашестве и имел дарование слез... В продолжение сего истязания душа его разлучалась с телом; и неизвестно осталось, какое было решение и окончание сего суда и какой приговор последовал"(Иоанна, игумена Синайской горы "Лествица", слово 7, 50).

Действительно, встреча с мытарствами после смерти – это только особая и заключительная форма той общей битвы, которую каждая христианская душа ведет всю свою жизнь. Владыка Игнатий пишет: "Как воскресение христианской души из греховной смерти совершается во время земного ее странствования, точно так таинственно совершается здесь, на земле, ее истязание воздушными властями, ее пленение ими или освобождение от них; при шествии через воздух эти свобода и плен только обнаруживаются" (т. 3, стр. 159).

Некоторые из учеников преп. Макария Великого видели, как он проходил через мытарства. Из их свидетельства можно заключить следующее. Отдельные святые беспрепятственно минуют бесовских "мытарей", потому что они уже боролись с ними в этой жизни и выиграли битву. Вот соответствующий эпизод из жития преп. Макария:

"Когда настало время кончины преподобного Макария Великого – Херувим, бывший его Ангелом-Хранителем, сопровождаемый множеством небесного воинства, пришел за его душою. Низошли с сонмом Ангелов лики апостольские, пророческие, мученические, святительские, преподобнические, праведнические. Установились демоны рядами и толпами на мытарствах, чтоб созерцать шествие души духоносной. Она начала возноситься. Далеко стоя от нее, кричали темные духи на мытарствах своих: "О Макарий! Какой славы ты сподобился!" – Смиренномудрый муж отвечал им: "Нет! И еще боюсь, потому что не знаю, сделал ли я что доброе". – Между тем он быстро поднимался к небу. С других высших мытарств опять кричали воздушные власти: "Точно, ты избежал нас, Макарий". – "Нет, – отвечал он, – и еще нуждаюсь в бегстве". Когда он уже вступил в небесные врата, они, рыдая от злобы и зависти, кричали: "Точно! Избежал ты нас, Макарий!" – Он отвечал им: "Силою Христа моего ограждаемый, я избежал ваших козней" (Патерик скитский). – С такую великою свободою великие угодники Божии проходят воздушные страхи темных властей потому, что в земной жизни вступают в непримиримую брань с ними и, одержав над ними победу, в глубине сердца стяжают совершенную свободу от греха, соделываются храмом и святилищем Святаго Духа, соделывающего словесную обитель свою неприступною для падшего ангела" (Епископ Игнатий. Т. 3, стр. 158—159).

Частный суд

В православном догматическом богословии прохождение через воздушные мытарства является этапом частного суда, посредством которого решается судьба души до Страшного Суда. Как частный суд, так и Страшный Суд совершается Ангелами, которые являются орудиями Божией справедливости: Так будет при кончине века: изыдут Ангелы, и отделят злых из среды праведных, и ввергнут их в печь огненную (Мф. XIII, 49—50).

Счастливы православные христиане, что имеют они учение о воздушных мытарствах и частном суде, ясно изложенное в многочисленных святоотеческих писаниях и житиях святых; но в сущности, любой человек, глубоко размышляющий над одним лишь Священным Писанием, придет к очень близкому учению. Так, протестант-евангелист Билли Грэм пишет в своей книге об Ангелах: "В момент смерти дух покидает тело и движется через атмосферу. Но Писание учит нас, что там таится диавол. Он — князь, — господствующий в воздухе (Еф. II, 2).

Если бы глаза нашего понимания были открыты, то мы, возможно, увидели бы, как воздух наполнен врагами Христа – демонами. Если сатана мог задержать на три недели Ангела, посланного к Даниилу на землю, то можно представить, какое противодействие может ожидать христианина после смерти... Момент смерти – это последняя возможность для сатаны напасть на истинно верующего, но Бог послал своих Ангелов, чтобы охранять нас в это время" (Билли Грэм. Ангелы – тайные вестники Бога. Doubleday, Нью-Йорк, 1975, стр. 150-151).